

А.С. КИМ, Е.Ю. ДОВГОПОЛОВ*

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ
ЭТНОПОЛИТИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ
ЭТНОНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация. В статье раскрывается основное содержание этнического национализма как парадигмы, идеологии и политики. Выявляется роль советской этнической политики в формировании этнонационалистического дискурса в современной России. Определяются пути преодоления этнического национализма как институционального фактора, обуславливающего характер этнической политики и межэтнических отношений.

Ключевые слова: этнический национализм; этнополитика (этническая политика); этнонационалистический дискурс; этнонационалистическая парадигма; примордиализм; институционализация; институциональные практики; этнос; нация.

* **Ким Александр Сергеевич**, доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права, профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета, ведущий эксперт Краевого научно-практического центра мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций (Хабаровск), e-mail: stosorok2005@yandex.ru; **Довгополов Егор Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент, юрист Центра исследования проблем российского права (Москва), e-mail: degor@pochta.ru.

Kim Alexander, Khabarovsk state university of economics and law, Pacific state university, Regional scientific and practical center for monitoring of ethnic and confessional relations and early warning of conflict situations (Khabarovsk), e-mail: stosorok2005@yandex.ru; **Dovgopolov Egor**, Centre for research of problems of the Russian law (Moscow), e-mail: degor@pochta.ru.

A.S. Kim, E. Yu. Dovgoplov
The role of Soviet ethnopolitics in the formation
of the ethnonationalistic discourse in contemporary Russia
(institutional aspect)

Abstract. The article reveals the main content of ethnic nationalism as a paradigm, ideology and politics. The role of Soviet ethnic politics in the formation of ethnonationalist discourse in modern Russia is revealed. The ways of overcoming the ethnic nationalism as an institutional factor determining the nature of ethnic politics and inter-ethnic relations are defined.

Keywords: ethnic nationalism; ethnic policy; ethno-nationalistic discourse; ethno-nationalistic paradigm; primordialism; institutionalization; institutional practices; ethnic group; nation.

Анализ советских традиций организации политической власти в области национально-этнических отношений важен для понимания их влияния на современное состояние российской этнополитики. Он позволяет объяснить, почему национализм на постсоветском пространстве оказался распространенным способом выражения и мобилизации этнической идентичности, которая, в свою очередь, стала значимым фактором установления социальных и культурных границ.

Национализм как общественное явление привлекает внимание исследователей уже более 100 лет. История развития современного мира – это история возникновения и упадка, роста и угасания наций и национализма [Смит, 2004, с. 19]. Многообразие проявлений национализма обуславливает широкий спектр его определений и интерпретаций [Брубейкер, 2012, с. 239].

Следует отметить, что после распада советской империи как отечественные, так и зарубежные исследователи уделяли много внимания изучению феномена национализма на посткоммунистическом пространстве [см.: Национализм... 2010]. Если говорить о российской политической науке, то в ее рамках сложилась определенная традиция исследования этого феномена применительно к постсоветским политическим процессам, представленная трудами В. Ачкасова [Ачкасов, 2012], В. Дятлова [Дятлов, 2004], В. Тишкова [Тишков, 1998; 2005; 2006; 2013], О. Малиновой [Малинова, 2003; 2007; 2008], М. Фадеичевой [Фадеичева, 2004; 2006; 2008] и др. Несмотря на то что в этих работах различные ракурсы,

акценты, стилистики рассмотрения феномена национализма, для их содержания характерны общие моменты.

1. Отход от примордиалистских установок советского обществознания, для которых была свойственна трактовка нации как высшей формы этнической общности. Инновационный (для отечественной этнополитической и этнологической мысли) взгляд на концепт этничности, предполагающий разграничение национального и этнического, преодоление традиции примордиалистского толкования этнической идентичности, заключающегося в автоматическом приписывании индивида к определенной этнической группе по факту его происхождения.

2. Отказ от сложившегося в советский период однозначного представления о национализме как идеологии (а также психологии, социальной практики и политики) подчинения одних наций другим, национальной исключительности и превосходства. Признание более широкого диапазона интерпретаций национализма, включая определения, трактующие национализм как приверженность людей интересам своей нации, ее духовным ценностям; рассмотрение национализма как амбивалентного феномена, для которого характерно проникновение (полное или частичное) в различные политические, культурные или этнические проекты.

3. Признание массового распространения этнического национализма в современной России следствием воздействия, с одной стороны, советской этнополитики, для которой был характерен разрыв между официально декларируемыми интернационалистскими идеологемами и этнонационалистическими институциональными практиками, с другой стороны, системных факторов (громкие социально-экономические различия между российскими территориями; масштабная миграция, имеющая ярко выраженную этническую составляющую; русский национализм начала XXI в., стремящийся сбросить груз многонациональной государственности, расстаться с инокультурными окраинами и построить, наконец, этнически чистое русское государство в логике европейского национализма XIX в.).

Данная исследовательская традиция представляет собой конструктивную альтернативу замещению советского этнополитического знания эклектичными подходами, в рамках которых устаревшие теоретико-методологические установки причудливо сочетаются с заимствованиями из западной этнологической и

политической науки. Эклектичность порождает имманентную нечеткость и непроработанность терминов, двусмысленность ключевых понятий.

Это характерно и для российской политической практики. Например, в п. 9 принятой в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. утверждается, что «Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира. На ее территории проживают представители 193 национальностей (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан)» [Стратегия... 2012]. Таким образом, систематически смешиваются понятия «нация», «этнос», «национальность».

Развитие исследовательской традиции представляется нам важным именно потому, что она может способствовать преодолению противоречия между потребностью в разработке инновационного этнополитического менеджмента и инерцией устаревших теоретико-методологических и управленческих подходов. В эту традицию, весьма логично, на наш взгляд, вписываются и попытки авторов настоящей статьи исследовать феномен национализма на основе отказа от примордиалистского концепта нации и этноса с точки зрения институционализации этнической политики [Ким, 2011; Ким, Довгополов, 2016].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, опираясь на работы вышеуказанного круга российских исследователей и результаты нашего собственного анализа, выявить влияние институционализации советской этнической политики на формирование этнонационалистического дискурса в современной России. Охарактеризовав особенности советского этнического национализма, мы проанализируем влияние советского наследия на формирование этнонационалистического дискурса в современном российском обществе. Особое внимание мы уделим политике в отношении диаспоры, в которой, на наш взгляд, это влияние проявилось особенно ярко.

Примордиалистские истоки советской этнополитики

Под институционализацией этнической политики мы будем понимать совокупность процессов формирования политических институтов и политических практик, необходимых для удовлетворения некоторых общественных (а весьма часто – групповых, корпоративных) потребностей и интересов в воздействии на этнические процессы и межэтнические отношения. Именно эти потребности и интересы определяют характер и направленность институционализации этнополитики.

В некоторых случаях этнополитическая институционализация идеологически ориентирована. В СССР теоретическими источниками и инструментами обоснования идеологии стали теоретико-методологические положения и установки, сложившиеся в научном дискурсе. Их можно назвать этнонационалистической парадигмой, поскольку основной вектор изучения этнических процессов задавался примордиалистским толкованием этничности – межэтнические взаимодействия рассматривались с точки зрения противопоставления групп индивидов по этническому признаку. Эта парадигма служила инструментом научно-теоретического обоснования идеологии этнического национализма, которая, в свою очередь, породила особый вид политики [Кедури, 2010, с. 68].

Важной составляющей парадигмы этнического национализма является тезис о том, что членов нации объединяют общее наследие, язык, религия, традиции, история, кровная связь на основе общности происхождения, эмоциональная привязанность к земле, так что все вместе они образуют один народ, кровнородственное сообщество [Смит, 2004]. Обоснованию этого положения способствовали примордиалистские концепции современной западной социальной философии и социологии (П. Ван ден Берге, К. Гирц, Р. Гамбино, У. Коннор, У. Самнер, Э. Шилз и др.). Независимо от принадлежности к социобиологическому, социокультурному или психологическому направлению примордиализма, его представители полагают изначальность этнических категорий, трактуют этничность как извечное свойство человеческой природы.

В XX в. именно немецкое толкование нации породило в русском языке употребление понятия «национальность» в этническом смысле, не связанном с государственностью, что вносит и сегодня терминологическую путаницу в российское обществознание.

В советских общественных науках господствовало представление о нации как высшей форме этнической общности, сложившейся в эпоху становления капитализма. Оно базировалось на австромарксистском подходе, который заимствовал И.В. Сталин, сформулировавший следующее определение: «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры <...> ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, не достаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствие хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией» [Сталин, 1938, с. 6].

В теоретико-методологическом плане в советском общественном знании господствовал примордиалистский подход к изучению этнических процессов. Социобиологическое понимание этничности наиболее ярко представлено было оригинальной концепцией пассионарности Л.Н. Гумилева, считавшего этнос биофизической реальностью, облеченной в ту или иную социальную оболочку [Гумилев, 1990, с. 227]. Социокультурная версия примордиализма представлена В.Ю. Бромлеем. Он дал следующее определение этноса, ставшее классическим для марксистско-ленинского обществоведения: «Этнос... может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [Бромлей, 1983, с. 57–58].

Таким образом, доктринальную основу советской этнополитики составила основанная на примордиалистском толковании этническая трактовка нации, соединившаяся в процессе практической реализации с интернационалистскими идеологемами.

Двойственная природа институционализации советской этнополитики

Апологеты советского режима ввели понятия «социалистического федерализма» и «национальной (а по сути дела, этнической) государственности», на основе которых путем огромных ма-

териальных и интеллектуальных затрат, массовых репрессий проводилось так называемое национально-государственное строительство. Сталинские репрессии в отношении различных народов СССР создавали ощущение этнонациональной ущемленности и состояние социально-этнической дискриминации, из-за чего снижался потенциал интернационалистской идеологии в обществе, а в период распада СССР этнический национализм перешел на уровень массового политического сознания.

Советское интернациональное государство представляло собой де-юре интеграционное объединение национальных государственных образований в рамках единого союзного государства, а де-факто – имперскую многонациональную систему, ядром которой была коммунистическая номенклатурная бюрократия. Ее усилиями была выстроена централизованная квазифедерация так называемых национально-государственных образований в сочетании с иерархией этнических общностей: 15 из них были наделены статусом наций, имевших свои государства и конституции с формальным правом выхода из СССР, другая часть имела так называемые автономные республики, области и округа в составе союзных республик и, наконец, существовали этносы, обреченные на ассимиляцию, поскольку им было отказано в праве на самоопределение; прежде всего это касалось диаспор [Ким, 2011, с. 98–99]. Эта иерархия этнических общностей обусловила этнонационалистический дискурс, в рамках которого нациями считались те народы, которые обладали государственностью либо административно-территориальной единицей (союзной республикой, автономной республикой, автономной областью, национальным округом). При таком подходе становится понятным, почему советская этничность институционализировалась через предпочтительный статус так называемых коренных наций в республиканских образованиях, через систему преференций и квот на административно-бюрократический персонал, профессии и образование. Именно этим объясняется, почему несомненные достижения советской власти в решении так называемого национального вопроса связаны в основном с титульными и так называемыми коренными малочисленными этносами.

С целью ослабления национально-этнических противоречий политико-идеологические институты всеобъемлющей системы «патриотического и интернационалистского воспитания трудя-

щихся» интенсивно работали на обоснование расового и национально-этнического равноправия, межнационального сотрудничества и интернациональной солидарности. В результате сформировалась достаточно высокая культура межнационального общения, особенность которой состояла в том, что как на официальном уровне, так и на уровне массового сознания ксенофобия, неуважение к национальному достоинству осуждались и считались дурной манерой мышления и поведения. При этом посредством системы обязательной регистрации этнической принадлежности («национальности») в гражданских паспортах этничность в СССР превратилась в социальную характеристику. Национальность как бюрократический параметр этничности стала критерием социальной стратификации в республиках: на нижних ступенях оказались многочисленные «двойные меньшинства» внутриреспубликанских автономных образований [Тишков, 2005, с. 41]. Таким образом, структура общества приобрела этнополитический и этносоциальный характер, провоцируя воспроизводство элементов этнического национализма на уровне массового сознания, открытые проявления которых блокировались советским режимом с помощью административно-командных и репрессивных методов.

Роль советского институционального наследия в формировании постсоветского этнонационалистического дискурса

В условиях распада СССР представители бывшей номенклатурно-бюрократической элиты официально взяли на вооружение институциональные практики этнического национализма. Их этнократический характер был предопределен установками ранжирования народов на коренные и некоренные, приоритета так называемых титульных этносов. Это проявилось, когда постсоветские этнократические режимы узурпировали власть и захватили доступ к ресурсам от имени бывших советских союзно-республиканских наций, поставив в приниженное и даже нетерпимое положение остальную часть населения [Тишков, 1998]. В результате образовались дискриминируемые меньшинства, произошел массовый отток русскоязычного населения, разрушилась интернациональная культура межетнического общения. Что касается постсоветской

России, то вставшая у руля государства новая политическая элита, апеллируя к ценностям демократического развития, не озаботилась решением проблемы формирования новой национальной идеологии и общероссийской идентичности, не уделяла должного внимания научному обоснованию государственной национально-этнической политики. Элиты же российских национально-государственных образований воспроизводили «на местах» модель политических и социальных сообществ мобилизационного, авторитарного типа [Ачкасов, Бабаев, 2000, с. 138].

Сформировавшаяся таким образом фундаментальная институциональная основа широкого распространения этнического национализма на постсоветском пространстве способствовала тому, что в постсоветской России начал складываться идеологический дискурс, который условно можно обозначить как дискурс «нашизма». Одна из его форм – этнонационалистическая, поскольку подход к различению «нашего» и «не нашего» основан на этническом принципе. Этнонационалистическая версия «нашизма» дополняется гражданской, в рамкой которой критерием отнесения к «нашим» выступает принадлежность к складывающейся в России полиэтнической гражданской нации. Идентификация «наших» по антропологическим признакам характерна для «нашизма» расистского толка [Фадеичева, 2006, с. 55–56]. Однако пока еще не сложились зрелые демократические институты этнополитики, существует опасность широкого распространения в массовом сознании именно этнонационалистической версии «нашизма».

Диаспора в этнонационалистическом дискурсе постсоветской России

Укоренению этнического национализма в значительной степени способствовала целенаправленная политическая проблематизация этничности в 1990-х годах в общественном и научном дискурсах. Так, стал широко употребляться термин «диаспора», которому придавалось весьма расширенное толкование. В результате к диаспорам начали причислять практически любую этническую группу независимо от того, принадлежат ли ее члены к гражданам России, старожильческому населению российских регионов, беженцам или иностранным трудовым мигрантам. Между тем

«внутри государства граждане не могут делиться на диаспоры, за исключением новожителей – иммигрантов или старожилов, продолжающих считать своей основной родиной страну исхода и соответственно демонстрирующих это в своем поведении» [Тишков, 2005, с. 287].

Институциональным фактором воспроизводства этнического национализма выступает примордиалистская позиция значительной части государственных служащих, которым по долгу службы приходится управлять межэтническими отношениями и которые «находятся в лихорадочном поиске объекта управления» [Дятлов, 2004, с. 131]. С превращением этнической проблематики в предмет публичной политики возникла необходимость характеристики и объяснения феноменов полиэтничности постсоветской России со стороны соответствующего административного персонала. На этой волне происходило массовое введение объекта бюрократического менеджмента в речевую практику чиновников, в терминологию и стилистику бюрократического делопроизводства. Так, термин «диаспора» стал использоваться без учета заложенных в нем исторических смыслов, становясь постепенно неким клише, а зачастую даже ярлыком. «Нередко так теперь называют (и таким образом вычленяют и объединяют) всех, кого считают представителями неких национальных групп, живущих вне пределов соответствующих государств или “национальных очагов”» [Дятлов, 2004, с. 132]. Более того, в 1990-е годы появились примеры того, как новоявленные термины стали приобретать институциональный характер, поскольку внедрялись бюрократическим аппаратом в практику юридического нормотворчества [Байкальский регион... 2002, с. 90–93].

Трактовка диаспоры как специфического социального организма, принадлежность к которому определяется этничностью, способствует формированию в массовом сознании представления о том, что человек по факту врожденной этничности изначально должен быть приписан к группе, которая, как предполагается, должна нести за него коллективную ответственность перед государством и обществом. Это ведет к появлению «этнического антрепренерства» в среде самих меньшинств, что проявляется в различных спекуляциях на этнополитической проблематике с целью добиться власти, влияния и общественного признания как у властей, так и у своих «соплеменников». Именно этим объясняется то,

что в кругах активистов общественных объединений некоторых меньшинств постоянно возникают проекты придания своим организациям квазигосударственных функций [Дятлов, 2004, с. 135].

Примордиалистское толкование феномена диаспоры как некоторого обособленного этнокультурного образования во многом способствовало расширению этнонационалистического дискурса. Так, принятый в 1996 г. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» определяет такую автономию следующим образом. Это «форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры» [Федеральный закон... 1996]. При этом одни лидеры национально-этнических объединений восприняли новоявленный институт национально-культурной автономии как посягательство на свои права, а другие – как некий «ярлык» государства на «княжение» среди своих коллег, требуя признания своего верховенства в решении всех вопросов [Поздняков, 2008]. Так, на III съезде Общероссийского объединения корейцев, состоявшемся в июне 2008 г. в Москве, руководитель корейской национально-культурной автономии г. Санкт-Петербурга заявил, что, по его мнению, все несколько тысяч представителей корейской диаспоры, проживающие в этом городе, автоматически являются членами возглавляемой им общественной организации [Ким, 2011, с. 299].

Вышеупомянутое дает основание полагать, что с появлением Федерального закона «О национально-культурной автономии» стала просматриваться тенденция создания и деятельности национально-культурных автономий с целью деления населения страны на экстерриториальные этнические корпорации с всеобщим охватом и с единым представительством, а тем более с правом политического представительства или даже политического давления [Тишков, 2005, с. 284]. Таким образом, «расширяющееся применение термина “диаспора” в социально-политической практике, чрезвычайно свободная его трактовка вкупе с широко распространенным общинно-сословным пониманием природы, человека и общества может чрезвычайно осложнить и без того непростые межнациональные отношения» [Дятлов, 2004, с. 138]. Свидетель-

ством этому является сложившийся к настоящему времени российский общественно-политический дискурс, построенный на этнонационализме и схоластическом восприятии этноса, не способный внятно ответить на вопросы, связанные с политикой признания поликультурной общности россиян [Тишков, 2006, с. 155].

Перспективы институционализации этнической политики в современной России в контексте преодоления этнического национализма

Этнонационалистический дискурс в постсоветской России в значительной степени сложился вследствие нерешенности вставшей перед новым государством проблемы формирования общероссийской идентичности. Пространство ее разрешения ограничивается двумя противоречивыми обстоятельствами. С одной стороны, в качестве государствообразующих основ Российской Федерации в массовом политическом сознании выступают русский народ и русская культура, и в рамках такого подхода Россия представляется государством «русского национального большинства». С другой стороны, Россия – полиэтничное государство, в котором наряду с русскими как метаэтнической общностью представлены меньшинства, включающие народы бывших советских республик, народы, исконно проживающие на территории нынешней Российской Федерации, этнические диаспоры выходцев из других государств, длительно проживающих или недавно прибывших в Россию.

Для институционализации этнополитики необходимо преодолеть этнический национализм, поскольку его распространение и укоренение в массовом политическом сознании будут способствовать спросу на структуры и практики, нацеленные на этнополитическую мобилизацию. Кроме того, под влиянием массовых настроений не исключены изменения характера и направленности институционализации публичной этнической политики. Применительно к современной России речь идет о двух типах ориентации этнополитики: 1) этническо-ограничительной, предполагающей культурное и политическое доминирование этнического большинства (закамуфлированной лозунгами о значимости общероссий-

ской идентичности); 2) подлинно гражданско-национальной, заключающейся в целенаправленном формировании российской гражданской нации – интеграции полиэтнического населения России на основе русского культурного кода в единую гражданскую общность. Этим, соответственно, обуславливается и формирование двух трендов институционализации этнической политики: 1) институциональные практики и институты этнического ограничения и исключения, ведущие в конечном счете к этнической сепарации и продуцирующие межэтнические конфликты; 2) институциональные практики и институты согласия и предупреждения конфликтов, нацеленные на формирование взаимного доверия в кроссэтнической коммуникации на основе конструкции общегражданской идентичности.

В прежние времена советское государство использовало в качестве важнейшего инструмента интеграции своих граждан интернационалистскую идеологию и общенациональную культуру, основанную на русском языке и ценностях (разрешенных цензурой) преимущественно русской культуры. Сейчас же в условиях отсутствия на федеральном уровне всеобъемлющей (общенациональной) идеологической доктрины предстоит сложная задача формирования мировоззренческой и духовно-ценностной основ институционализации этнической (или, как определяется в официальных документах, национальной) политики в современной России.

Список литературы

- Ачкасов В.А., Бабаев С.А.* «Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России / С.-Петербург. философское общество. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2000. – 144 с.
- Ачкасов В.А.* Язык как инструмент «строительства нации»: Постсоветский контекст // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 1. – С. 204–218.
- Ачкасов В.А.* Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности: Монография / В.А. Ачкасов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. – 232 с.
- Байкальский регион: Правовое поле этнополитической ситуации (1992–2001) / Авт.-сост. Ю.Н. Пинигина. – М.; Иркутск, 2002. – 311 с.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 418 с.
- Брубейкер Р.* Этничность без групп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Под ред. В.С. Жекулина. – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. – 526 с.
- Дейк Т.А. ван. Расизм и язык. – М.: ИНИОН, 1989. – 75 с.
- Дятлов В.И. Диаспора: Экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. – М., 2004. – № 3. – С. 126–138.
- Кедури Э. Национализм. – СПб.: Алетейя, 2010. – 136 с.
- Ким А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика: Монография / Под науч. ред. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 330 с.
- Ким А.С., Довгополов Е.Ю. Институционализация этнической политики в современной России (на примере Дальневосточного региона): Монография. – М.: Этносоциум, 2016. – 166 с.
- Малинова О. Ю. Либерализм и концепт нации // Полис. Политические исследования. – М., 2003. – № 3. – С. 96–111.
- Малинова О.Ю. Конструирование идентичности: Возможности и ограничения // Pro et contra. – М., 2007. – № 3 (37). – С. 60–65.
- Малинова О.Ю. «Долгий» дискурс о национальной самобытности и оппозиция западничества и антизападничества в постсоветской России // Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 235–256.
- Национализм в поздней и посткоммунистической Европе: В 3 т. / Под общ. ред. Э. Яна. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 1. – 431 с.; т. 2. – 695 с.; т. 3. – 412 с.
- Поздняков А. Прописано законом, изменено жизнью // Российские корейцы. – М., 2008. – Май, № 103. – С. 4.
- Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
- Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. – М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1938. – 232 с.
- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Утв. указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. – М., 2012. – № 52, ст. 7477.
- Тишков В.А. О культурном многообразии // Этнодиалоги. Альманах. Приложение к журналу «Этносфера». – М., 2006. – № 1 (24). – С. 150–168.
- Тишков В.А. Трудный путь от этнонационализма // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.–1998. – № 18. – Режим доступа: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/trudnyj_pu.html (Дата посещения: 17.03.2017.)
- Тишков В.А. Этнология и политика: Статьи 1989–2004 гг. – М.: Наука, 2005. – 240 с.
- Тишков В.А. Полиэтническое общество и государство: Понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. – М., 2013. – С. 144–194.

- Фадеичева М.А.* Диаспора и состояния этнического индивида // Диаспоры. – М., 2004. – № 2. – С. 140–154.
- Фадеичева М.А.* Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России // Полис. Политические исследования. – М., 2006. – № 4. – С. 53–60.
- Фадеичева М.А.* «Непредставленная» идеология и дискурс «нашизма» // Публичное пространство, гражданское общество и власть. Опыт развития и взаимодействия / Отв. ред. А.Ю. Сунгуров. – М., 2008. – С. 407–418.
- Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства Российской Федерации. – М., 1996. – № 25, ст. 2965.